DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-86-93
УДК 81'44; 811.221.18

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ДИСТРИБУТИВНОЙ НЕОДНОКРАТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ДИСТРИБУТИВНО-СУММАРНОГО СД)

© Алина Левитская

METHODS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF DISTRIBUTIVE DIVERSITY IN THE MODERN OSSETIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH RUSSIAN (BASED ON THE VERBS OF THE RUSSIAN DISTRIBUTIVE-SUMMARY ACTIONSARTS)

Alina Levitskaya

The study of the ways to designate a universal sign of the action multiplicity in the modern Ossetian language, in comparison with Russian, indicates that multiplicativity, distributivity and iteration, as the main types of monotemporal and polytemporal repetition, are represented in the Ossetian language by several variants - different modes of action (Actionsarts). This fact confirms the universal nature of the content in the named types of repetition, reflecting the general patterns of the world perception by speakers of different languages. By analyzing the potential of the distributive repetition meanings in Ossetian, we reveal, along with a complete coincidence of universal aspectual-actional meanings in the languages being compared, unique idioethnic differences in the combinations of these meanings, in the degree of their actualization, obligation and frequency when denoting the same situation of extra-linguistic reality. Distributive repetitiveness is expressed in the Ossetian language by verbs of certain modes of action - distributive-total Actionsarts, characterized by the prefix *фæ-*, a part of the verbs of the multiplicative collective-multiact Actionsarts, characterized by the plural form of the name in the semantic part of the compound verb, a part of the multiplicative re-reflexive verbs with complex Actionsarts, the prefix formant of work- - *ба-*, total-qualitative Actionsarts, characterized by the prefix *æр-*, etc. The aspectual-actional meanings of these Actionsarts differ from their functionally translated Russian parallels in such nuances that reflect (with the unity of the world perception!) the interpretation of objective entities and the relationship between them characteristic only of the Ossetian language.

Keywords: multiplicativity, distributivity, iterativity, monotemporality, polytemporality, universality, idioethnicity.

Исследование способов обозначения универсального признака кратности действия средствами современного осетинского языка в сопоставлении с русскими свидетельствует о том, что мультипликативность, дистрибутивность и итеративность как основные типы монотемпоральной и политемпоральной неоднократности представлены в осетинском языке несколькими вариантами – разными способами действия (Actionsarts), что подтверждает универсальный характер содержания названных типов неоднократности, отражающих общие закономерности восприятия мира носителями разных языков. Анализ потенциала значений дистрибутивной неоднократности в осетинском языке обнаруживает, наряду с полным совпадением универсальных аспектуально-акциональных смыслов в сравниваемых языках, и уникальные идиоэтнические расхождения в комбинациях этих смыслов, в степени их актуализации, обязательности и частотности при обозначении одной и той же ситуации внеязыковой действительности. Дистрибутивная неоднократность выражается в осетинском языке глаголами определенных способов действия: дистрибутивно-суммарного СД, характеризованного приставкой *фæ-*; частью глаголов мультипликативного собирательно-многоактного СД, характеризованного формой множественного числа имени в именной части составного глагола; частью глаголов мультипликативного повторно-возвратного СД, характеризованного сложным префиксальным формантом *ра-* – *ба-*; тотально-качественного СД, характеризованного префиксом *æр-* и др. Аспектуально-акциональные значения этих СД отличаются от их функционально-переводных русских параллелей такими нюансами, которые отражают (при един-

стве восприятия мира!) свойственную только осетинскому языку интерпретацию объективных сущностей и отношений между ними.

Ключевые слова: мультипликативность, дистрибутивность, итеративность, монотемпоральность, политемпоральность, универсальность, иддиоэтничность.

Исследование различных вариантов обозначения признака кратности действия средствами современного осетинского языка позволяет нам выявить несколько способов обозначения мультипликативности (многоактности), дистрибутивности (суммарности, распределенности, рассредоточенности), итеративности (повторности) действия, которые соотносятся с такими типами множества внеязыковых ситуаций, как мультипликатив, дистрибутив, итератив, и традиционно характеризуются как основные, универсальные [Храковский, 2017, с. 152] среди всех типов «множества как нечто такого, что противостоит единичности, является исключительно многообразным по своему составу, по своей структуре» [Холодович, с. 16].

В зависимости от особенностей обозначения многоактного характера действия в поле осетинской мультипликативности нами выделены нехарактеризованные и характеризованные способы действия¹. К нехарактеризованному многоактному СД мы отнесли глагольную лексику с семантикой мультипликативности в статусе «категориального компонента лексической семантики» [Маслов, 1984, с. 14], но без ее формального выражения, например, *æууилын / жевать, наетын / стонать, ризын / дрожать* и др., а также составные глаголы типа *æхситт кæнын / свистеть*², *кæпп к.*³ / *щелкать, хакъуырц к.* / *икать* и др., знаменательная часть которых, как правило, – звукоподражательное слово, а грамматическое значение выражается вспомогательным глаголом *кæнын / делать*.

Как характеризованные СД нами выделены следующие: дискретно-многоактный СД (*дыз-дыз к.* / *дрожать мелкой дрожью; сым-сым к.* / *сопеть; цъыкк-цъыкк к.* / *тикать* (о часах) и др.) [Левитская, 2020а, с. 75–89]; собирательно-многоактный СД (*æлхысчъытæ к.* / *ципать; гæппытæ к.* / *прыгать; цудтытæ к.* / *шататься* и др.) [Левитская, 2020б, с. 105–117]; результативно-многоактный СД (*æрбад-æрбад к.* / *приседать; батил-батил к.* / *покачи-*

вать; фæурум-фæурум к. / *останавливаться (часто)* и др. [Там же]; повторно-возвратный СД (*ракæс-бакæс к.* / *озираться, рафæлдах-бафæлдах к.* / *переворачивать с одной стороны на другую; рацу-бацу к.* / *ходить туда-сюда* и др.) [Левитская, 2019, с. 21–33].

Мультипликативные глаголы обозначенных СД отличает принадлежность к одному и тому же типу семантической неоднократности – собирательной. Данное аспектуально-акциональное значение наиболее ярко представлено в глаголах собирательно-многоактного СД, в которых указание на множественность актантов, совершающих (монотемпорально) одно и то же действие, или на множественность одного и того же действия, совершаемого (тоже монотемпорально) одним и тем же актантом, воспринимается с точки зрения его знаменательных характеристик как обобщенный факт. Актуализируется именно собирательный, обобщенный характер этого действия при всей его фактической объективной множественности. В современном русском языке этот тип представлен двумя разновидностями: мультипликативной и дистрибутивной [Храковский, 2017, с. 133]. Подтверждением принадлежности глаголов с семантикой и мультипликативности, и дистрибутивности к данному типу как универсальному и, тем самым, близости их акциональных смыслов могут служить и факты современного осетинского языка. В определенных контекстах осетинские глаголы мультипликативных СД, а именно мультипликативные глаголы собирательно-многоактного СД и повторно-возвратного СД, могут выступать эквивалентами русских глаголов дистрибутивно-суммарного СД, который наряду с кумулятивным СД и тотальным СД реализует значения дистрибутивной неоднократности [Там же, с. 139–144].

Например:

1) *В то же время он быстро оглядывал все, что попадало в его поле зрения, пытаясь разглядеть в темноте лица* (112). – / *Дзургæ-дзурын лæппу цырды кæстытæ кодта алцамæ дæр, цæмæдæриддæр – иу фæкомкоммæ ис, уымæ, цæсгæмттæ талынджы куы фенид, ууыл фæлваргæйæ*’ (142)⁴ (здесь и далее разрядка наша – А. Л.).

¹ В нашем понимании способа действия (Aktionsart – далее СД) мы опираемся на его определения в трудах Ю. С. Маслова [Маслов, 1984, с. 12–14], М. А. Шелякина [Шелякин, 1972, с. 238–253].

² Буквально: *делать свист* или см. далее: *делать щелчок, икоту* и т. п.

³ Здесь и далее к. – *кæнын / делать*.

⁴ Здесь и далее примеры взяты из: Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М.: Худ. лит.-ра, 1970. 678 с. / Фадеев А. А. Ёрыгон гвар-

Осетинский мультипликативный глагол собирательно-многоактного СД *кастытæ кодта* соответствует русскому глаголу *оглядывал* в значении дистрибутивно-суммарного СД: выражается постепенный охват результативным действием всех объектов или субъектов. Этот СД всегда предполагает форму мн. ч. объекта или субъекта со значением «все, много». Отметим при этом, что «русские глаголы с приставкой *о-* (*об-*), относящиеся к дистрибутивно-суммарному СД, отличаются от глаголов этого же СД, но с приставкой *пере-*, характером дистрибутивно-суммарного действия: не содержат признака подчеркнутой кратности действия и раздельности объектов» [Шелякин, 2017, с. 76]. Именно эта семантика не подчеркнутой, обобщенной множественности действия усиливает сходство аспектуально-акциональных характеристик русского глагола дистрибутивно-суммарного СД *оглядывал* и осетинского глагола собирательно-многоактного СД *кастытæ кодта*.

2) *Ваня Земнухов вдруг так весело расхохотался, что его непослушные длинные прямые волосы попадали на лоб и на уши, но он их тотчас же откинул резким движением головы* (69). – *Ваня Земнухов æвиптайды афтæ хæлдзæг ныххудт, æмæ йæ æгоммæгас æмраст сæры хъуынтæ æрхæудтытæ кодтой йæ ныхыл æмæ йæ хъустыл, фæлæ сæ уый уайтагъддар фæстæмæ феппæрстæ, йæ сæр цæхкæр стилгæйæ* (87).

Осетинский мультипликативный глагол собирательно-многоактного СД *æрхæудтытæ кодтой* соответствует русскому глаголу дистрибутивно-суммарного СД *попадали*. В данном примере дистрибутивное множество действий сопряжено с совокупным характером актант-субъекта, вследствие чего повтор действий происходит не последовательно, а одновременно.

Близость к русским глаголам дистрибутивно-суммарного СД с приставкой *пере-* наблюдаем и среди осетинских мультипликативных глаголов повторно-возвратного СД: *равæр-бавæр к.* / *переставлять, перепрятывать*; *равзæр-бавзæр к.* / *переворачивать, перебирать*; *радав-бадав к.* / *перетаскивать* и др.

Таким образом, в современном осетинском языке часть мультипликативных глаголов – собирательно-многоактного СД и повторно-возвратного СД – являются семантически пограничной зоной между мультипликативной и дистрибутивной неоднократностью – двумя разно-

видностями одного семантического типа – собирательной неоднократности. Более близкими же эквивалентами русских глаголов тех специально-результативных СД, которые образуют в современном русском языке поле дистрибутивной неоднократности (дистрибутивного / распределительного СД, или дистрибутивно-суммарного СД, кумулятивного / накопительно-суммарного СД, или кумулятивно-дистрибутивного СД, тотального СД⁵), выступают осетинские глаголы с приставкой *фæ-*.

Обратимся к примерам употребления осетинских глаголов с приставкой *фæ-* как смысловых и аспектуально-акциональных эквивалентов русских глаголов дистрибутивной семантики:

1. *В эту ночь они перетаскали из склада в «Сеняхах» бутылки с горючей жидкостью на «Шанхай»* (145) – *Уыцы ахсæв уыдон «Сенякийы» цы скълад уыдис, уырдыгæй фæхæстой «Шанхаймæ», судзæг хæцца цы æвгтаæ уыдис, уыдон* (183).

Осетинский глагол *фæхæстой* соответствует русскому глаголу *перетаскали* со значением постепенного охвата результативным действием разрозненных, отдельных объектов. Признак подчеркнутой кратности действия и раздельности объектов ассоциируется в русском языке с приставкой *пере-* (*перепилить все дрова, перемыть всю посуду, перекупать всех детей* и т. д.), а в осетинском языке этот признак ассоциируется с приставкой *фæ-*.

2. *Так они перебирали своих подруг и товарищей* (320) – *Афтæ равзар-бавзар фæкодтой се' мбæлты – чызджыты æмæ лæппуты* (402).

В осетинском глаголе СВ повторно-возвратного СД *равзар-бавзар фæкодтой* / *перебрали* присутствуют следующие аспектуально-акциональные смыслы:

1) действие носит повторно-возвратный характер, то есть каждая кандидатура рассматривается совокупным актантом-субъектом (*они*) неоднократно;

⁵ Выделяемые разными авторами [Авилова, с. 601–604]; [Зализняк, Шмелев, с. 114–116]; [Шелякин, 2017, с. 75–77] и др. русские способы действия со значением распределенности, суммарности, рассредоточенности действия отличаются названиями в зависимости от того, какие комбинации акциональных смыслов выделяют авторы. Поскольку все эти смыслы находятся в одной и той же семантической зоне дистрибутивной неоднократности как одной из двух разновидностей универсального семантического типа неоднократности – собирательной неоднократности, расхождения в названиях русских СД для нашего исследования не принципиальны.

ди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с. Поэтому в дальнейшем указываются только номера страниц.

2) действие имеет распределенный характер;

3) преверб *фæ*- усиливает значение кратности и одновременно значение ограниченной длительности действия, поскольку является маркером СВ, благодаря чему действие обозначается как конкретный целостный факт, ограниченный пределом, но (!) включающий в себя повторы ситуаций неоднократного рассмотрения кандидатур двумя руководителями подпольной ячейки.

В результате в осетинском варианте получаем комбинацию акциональных смыслов, близкую значению русского глагола *поперебрали*. В русском варианте употреблен глагол НСВ *перебрали*, допускающий в контексте русского предложения как значение процессности, так и значение кратности. В самом предложении нет никаких специальных средств, актуализирующих значение кратности или длительности. Однако оценка аспектуальных характеристик, заложенных в более широком контексте, и анализ пропозиций, обозначенных в предтексте и посттексте, не оставляют сомнений в том, что неоднократное рассмотрение руководителями ячейки кандидатур всех их товарищей на предмет их возможного вовлечения в подпольную организацию не могло быть кратковременным. Так, в предтексте имеем точное указание на то, что процедура рассмотрения началась, когда *вечер опустился на степь, на сады* (318), то есть только начало вечера. А в посттексте имеем указание на наступление глубокой ночи: *Месяц, уже пошедший на убыль, но все еще большой, красным заревом стоял за деревьями, густые, резкие тени легли вдоль сада...* (320).

Таким образом, широкий контекст указывает на определенную длительность действия, поэтому в русском варианте предпочтение получает значение длительности в форме глагола НСВ *перебрали*. Это именно тот случай, когда «повторительное значение <...> выражено не в самом высказывании, а наводится аспектуальной характеристикой предшествующего высказывания» [Храковский, 2014, с. 10].

Осетинский вариант содержит, в отличие от русского, в самой глагольной форме *равзарбавзар фæкодтой*, кроме отмеченных выше значений дистрибутивности и повторности действия, еще и значение ограниченной длительности действия. Дело в том, что преверб *фæ*- является маркером этого значения не только как любая приставка, сообщающая глаголу значение СВ и тем самым значение целостности, ограниченности пределом, но он еще выступает в соединении с неопределенными глаголами определенных лексико-семантических разрядов и как маркер пердуративности и делимитативности. Например:

а) пердуративности:

1) *А мать и дочь, оставшись одни, проплакали на материнской кровати почти до вечера* (263). – *Мад æмæ чызг та, иуынагæй баззайгæйæ, мады сынтæгыл бадтысты, афтæ фæкуыдтой боныцъæхтæм* (330);

2) *Я свое детство все на улице пробежал босиком, как Сережка...* (401). – *Æз Сережкæйи хуызæн æппынæдзых дæр бæгъæввадæй уынгты фæразгъор-базгъор кодтон* (510) и др.;

б) делимитативности:

1) *Немцы еще повозились и побубнили пьяными голосами...* (174) – *Немыц ма цыдæртæ фæцархайтой æмæ расыг гуыв-гуыв фæкодтой...* (220);

2) *Некоторое время они еще поглядели на «газик»* (75). – *Иу цæдæр ма фæкастысты «газик»-мæ...* (94) и др.

В современном русском языке пердуративное значение, то есть проявление действия в сравнительно длительные и определенные отрезки времени, представлено образованиями от неопределенных глаголов с помощью приставок *про-*, *от-*, *пере-*, а делимитативное значение проявления действия в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени – с помощью приставок *по-* и *вз-* в сочетании с суффиксом *-ну-*, а также приставок *при-*, *пере-*, *со-* [Шелякин, 2017, с. 79–80]. То есть разные русские приставки (наряду со специальными лексическими показателями) дифференцируют значения пердуративности и делимитативности. В осетинском же языке контекст и специальные лексические средства указывают на аспектуально-акциональную разницу в длительности действия, приставка *фæ*- выступает маркером только идеи ограниченности протекания действия временными рамками. Вот почему мы наблюдаем употребление одних и тех же приставочных образований с *фæ*- и в значении пердуративности, и в значении делимитативности. Например:

фæлаууын / простоять – в пердуративном значении:

Так простоял он довольно долго и начал уже терять терпение (259). – *Валько афтæ фæлаууыд дзæвгар æмæ йын зын быхсæн уыд* (325);

фæлаууын / постоять – в делимитативном значении:

Всего несколько мгновений простояла эта неопределенность... (297) – *Æрмæст иу цалдæр цæстыфæныкъуылдмæ фæлаууыд уыцы æбæрагдзинад...* (373);

фæбадын / просидеть – в пердуративном значении:

Так просидели они молча несколько часов, наедине со своей совестью (351). – *Афта æнæ дзургæйæ уыдон фæбадтысты цалдæр саххаты, сæ намысимæ иуыæгæй* (441);

фæбадын / *посидеть* – в делимитативном значении:

«Смогу ли я до света посидеть в твоём сарае?» – спросил Ваня (249) – «*Боныцъæхтæм мын дæ сарайы фæбадæн ис?*» – бафарста Ваня (314).

Таким образом, приведенные и другие примеры осетинских приставочных образований с *фæ*- подтверждают факт закрепления за этим превербом в кругу глаголов определенных (непредельных) лексико-семантических разрядов значения ограниченности реализации действия временным пределом: «они обозначают особый тип событий, которые сводятся к ограниченному во времени отрезку процесса, <...> пусть и разной степени длительности» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, с. 17]. На наш взгляд, данная семантика преверба *фæ*- ассоциативно присутствует в перечне аспектуально-акциональных смыслов осетинского предиката *фæравзар-бавзар кодтой*. Подчеркнем, что этот перечень более соответствует значению русского глагола *поперебрали* и вполне согласуется с описанием значения поочередного распространения действия на ряд объектов при обозначении распределительного характера действия русскими глаголами с префиксом *по*-, присоединяемым к приставочным глаголам: *повытолкать-повыталкивать, повыбить-повыбивать, пооткрыть-пооткрывать, повстать-повставать* и др. [Авилова, с. 604]. Семантика «поочередности» подтверждается и другими примерами употребления осетинских приставочных глаголов с *фæ*-, образованных от предельных глаголов, при передаче значения распределенного характера действия. Например:

1. *Однако они сразу повставали, увидев вооруженных людей* (502). – *Фæлæ уайтагъд фестадысты, хотыхджын адамы куы ауыдтой, уæд* (640).

2. *В течение нескольких дней, терпеливо копаясь в земле, ребята находили остатки шрифта по радиусу в несколько метров от места, где он был обозначен по плану, и выбрали все, что там было* (421). – *Цалдæр боны дæргъы лæппутæ фæуыгътой шрифты баззайæггæгтæ, фæразонæй сыджыт сызмæнтгæйæ, пъланæ гæсгæ шрифт ныгæд кæм хъуамæ уыдаид, уымæн йæ алфæмблай, цалдæр метры æттæдæр, æмæ афтæмæй æруыгътой, шрифтай цы баззад, уый* (536–537).

Второй пример интересен тем, что в осетинской версии употреблены две однокоренные глагольные формы с разными приставками *фæ*- и *æр*-, образованные от глагола *уидзын* / *клевать, выбирать, собирать* (мелкие предметы), и обе формы выражают разные оттенки дистрибутивности. Первая – *фæуыгътой* – соответствует русской форме *находили*. Русский предикат в данном предложении употреблен в обобщенно-фактическом результативном значении, «когда глагол НСВ обозначает действие, достигшее результата» [Зализняк, Шмелев, с. 26]. (В высказывании отражается внеязыковая ситуация продолжительностью в несколько дней). Глагол *находили* относится к группе результативнотивных глаголов, которые, по замечанию В. С. Храковского, в форме НСВ «имеют неограниченно-кратное значение либо исключительно, либо преимущественно» [Храковский, 2017, с. 145], то есть конкретно-процессное значение в этом употреблении исключается. На эту же особенность аспектуальной семантики глагола *находили* обращает внимание и О. П. Рассудова в контексте, близком нашему словоупотреблению. «Предложение “Здесь находили старинные монеты...” – означает, что названное явление имело место неоднократно, действие воспринимается как повторяющееся, поскольку глагол «находить» в нашем сознании непроцессный... НСВ без специальных контекстуальных средств выражает повторяемость действий, завершённых, достигших предела... Значение повторяемости мыслится как неоднократно воспроизведение одного и того же действия через неопределённо-длительные интервалы» [Рассудова, с. 33, 38].

Отметим, что глагольная форма *находили* в нашем примере – это ограниченно-кратная разновидность обобщенно-фактического типа употребления НСВ при обозначении ситуации обобщенного факта, когда глаголы НСВ употребляются в сочетании с показателями ограниченной кратности действия и обозначают определенное количество повторов действия, представленного безотносительно к конкретному характеру его осуществления [Бондарко, 1980, с. 611–612]. Лексическим показателем ограниченной кратности действия выступает обстоятельство *в течение нескольких дней* / *цалдæр боны дæргъы*. Именно это значение ограниченной кратности действия передается осетинским глаголом СВ *фæуыгътой*, семантика которого более точно соответствует русскому глаголу *повыбирали*. Значение кратного осуществления действия вносит приставка *фæ*-. СВ осетинского глагола обозначает в подобного рода употреблениях действие не в его «естественной» целостности еди-

ничного конкретного факта, а ... в более или менее «искусственной» целостности, возникшей путем «конденсации», «суммирования», объединения в одно целое объективно не единичного действия... [Шелякин, 1972, с. 73]. Сравнение формы *фæуыгътой / повыбѳирали* с однокоренным глаголом с другой осетинской приставкой *æр-* в том же высказывании *æруыгътой / выбра-ли* еще более оттеняет значение *фæ-*: «в каждом случае семантический взнос присоединяемого префикса значителен» [Горбова, с. 29]. При том, что оба приставочных глагола обозначают результативные действия, они отличаются акциональными оттенками: приставка *æр-* вносит значение, близкое значению русского осложненно-характеризующего СД, «указывающего на тщательность и раздельность этапов выполнения действия, на качественную эффективность каждого момента: *выписать* (буквы), *выщупать* (пульс), *вымерить* и др.» [Шелякин, 2017, с. 78]. При этом такой элемент значения, как исчерпывающее распространение действия на весь объект или субъект, отличающий глаголы тотального СД, входящего в зону дистрибутивной неоднократности, присутствует в этой осетинской глагольной форме, пусть и не столь ярко, как в форме с приставкой *фæ-*, маркером дистрибутивно-суммарного СД. Фактически мы наблюдаем в осетинском глаголе с приставкой *æр-* комбинацию акциональных смыслов, которая не позволяет считать подобные примеры абсолютно адекватными какому-то одному русскому СД, вот почему мы выделили глаголы с *æр-* с отмеченной выше двойственной акциональной семантикой в отдельный разряд как тотально-качественный СД [Левитская, 2007, с. 103]. Что касается формы *фæуыгътой / повыбѳирали* как функционально-переводного эквивалента русского *находили*, то очевидно, что отличающее осетинский предикат значение дистрибутивной суммарности в русской параллели можно оценить как имплицитное, подчиненное значению неоднократной повторяемости.

Аспектуально-акциональная семантика русского глагола *находили* в ограниченно-кратном значении обобщенно-фактического употребления НСВ, сходном с суммарным употреблением СВ [Бондарко, 1980, с. 611–621], передается в осетинском языке формой совершенного вида глагола, что указывает на монотемпоральный характер кратного действия. Политемпоральный характер действия обозначается в осетинском языке аналитической конструкцией *глагол + частица -у* / граммемой категории кратности, входящей в ядро функционально-семантического поля аспектуальности современного осетинского

языка наряду с категорией вида [Левитская, 2007, с. 89]. Благодаря аналитическому характеру данной граммемы для осетинской категории кратности «характерен тотальный охват всей глагольной лексики» [Маслов, 2004, с. 328].

В рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть все варианты эксплицирования дистрибутивной неоднократности в современном осетинском языке в сопоставлении с русским. Тем не менее, приведенные в статье примеры употреблений осетинских приставочных глаголов с *фæ-*, глаголов других осетинских СД в значениях, близких русскому дистрибутивно-суммарному СД, подтверждают универсальность данного семантического типа неоднократности как отражение одного из универсальных типов внеязыкового множества и тем самым доказывают общность «закономерностей отражения объективной действительности в человеческом сознании <...> и единства восприятия мира...» [Бондарко, 2017, с. 31]. При этом конкретные комбинации аспектуально-акциональных смыслов, участвующих в сравниваемых языках в выражении значения дистрибутивной неоднократности при обозначении одной и той же внеязыковой ситуации, заметно отличаются не только в «денотативном, сигнификативном, экспрессивно-стилистическом отношении» [Шелякин, 1972, с. 238], но и идиоэтническими акциональными нюансами, отражающими «чисто человеческую, субъективную точку зрения на мир, часто «наивную» и «ненаучную» [Петрухина, 2001, с. 56], что и представляет научный интерес для понимания особенностей интерпретации каждым отдельным языком объективных сущностей внеязыковой действительности.

Список литературы

- Авилова Н. С. Морфологические категории глагола. Категория вида. Категория залога и разряды переходных и непереходных глаголов // Русская грамматика – 80. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 582–604.
- Бондарко А. В. Употребление видов // Русская грамматика – 80. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 604–613.
- Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 5–39.
- Горбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.

Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.

Левитская А. А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским языком) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2019. № 3. С. 21–33.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: дискретно-многоактный способ действия в сопоставлении с русским языком // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2020а. № 2. С. 75–89.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: собирательно-многоактный СД и результативно-многоактный СД (в сопоставлении с русским языком) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020б. № 196. С. 105–117.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. 840 с.

Петрухина Е. В. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового содержания // Исследования по языкознанию: Сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 56–66.

Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 148 с.

Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3.: Молодая гвардия. М.: Художественная литература, 1970. 679 с.

Фадеев А. А. Арыгон гварди. Дзæуджыхæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с.

Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Ученые записки Ленинградского университета. 1946. № 69. Сер. Филологические науки. Вып. 10. С. 15–36.

Храковский В. С. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 14. С. 3–12.

Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 124–152.

Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): дис. ... д-ра филол. наук: Ленинград, 1972. 660 с.

Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики:

Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 63–85.

References

Avilova, N. S. (1980). *Morfologicheskie kategorii glagola. Kategoriiia vida. Kategoriiia zaloga i razriady perekhodnyh i neperekhodnyh glagolov* [Morphological Categories of the Verb. The Category of Aspect. The Category of Voice and the Categories of Transitive and Intransitive Verbs]. *Russkaia grammatika* – 80. Vol. I. Pp. 582–604. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bondarko, A. V. (1980). *Upotreblenie vidov* [The Use of Aspects]. *Russkaia grammatika* – 80. Vol. I. Pp. 604–613. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bondarko, A. V. (2017). *Vvedenie. Osnovaniia funktsional'noi grammatiki* [Introduction. Foundations of Functional Grammar]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis*. Izd 7-e. Moscow, Lenand. Pp. 5–39. (In Russian)

Gorbova, E. V. (2017). *Russkoe vidoobrazovanie: slovoizmenenie, slovoklassifikatsiia ili nabor kvazigrammem? (eshhe raz o bolevykh tochkah russkoi aspektologii)* [Russian Speciation: Inflection, Word Classification, or a Set of Quasigrammes? (Once Again about the Pain Points of Russian Aspectology)]. *Voprosy iazykoznaniiia*. No 1, pp. 24–52. (In Russian)

Fadeev, A. A. (1970). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. V 7 t. Tom 3. *Molodaia gvardiia*. 679 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Fadeev, A. A. (1953). *Ærygon gvardi* [The Young Guard]. *Dzæudzyhæu: Cægat Irystony chinguyty rauagdad*. 839 p. (In Ossetian)

Kholodovich, A. A. (1946). *Kategoriiia mnozhestva v iaponskom v svete obshhei teorii mnozhestva v iazyke* [Category of Set in Japanese in the Light of the General Theory of Set in the Language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. No. 69. Ser. *Filologicheskie nauki*. Vyp. 10, pp. 15–36. (In Russian)

Khrakovskii, V. S. (2014). *Est' li u nesovershennogo vida v russkom iazyke povtoritel'noe (neogranichenno-kratnoe / mnogokratnoe / iterativnoe / uzual'noe / habitual'noe) znachenie?* [Does the Imperfect Species in Russian have a Repetitive (Unlimited / Multiple / Iterative / Usual / Habitual) Meaning?]. *Voprosy iazykoznaniiia*. No. 14, pp. 3–12. (In Russian)

Khrakovskii, V. S. (2017). *Kratnost'* [Multiplicity]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis*. Izd 7-e. Moscow, Lenand. Pp. 124–152. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2007). *O vidovoi nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom iazyke (vlianie universal'nyh i idioetnicheskikh faktorov)* [On Specific Inconsistency in the Modern Ossetian Language (the influence of universal and idioethnic factors)]. *Voprosy iazykoznaniiia*. No. 5, pp. 89–107. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2019). *Mul'tiplikativnye sposoby dejstviia v sovremennom osetinskom iazyke: povtorno-vozvratnyi sposob deistviia (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: A Repeated-Return Method of

Action (in comparison with the Russian language)]. *Izvestiia IuFU. Filologicheskie nauki*. No. 3, pp. 21–33. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2020a). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: diskretno-mnogoaknyi sposob deistviia v sopostavlenii s russkim iazykom* [Multiplicative Modes of Action in the Modern Ossetian Language: Discrete-Multi-Act Mode of Action in Comparison with the Russian Language]. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya*. No. 2, pp. 75–89. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2020b). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: sobiratel'no-mnogoaknyi SD i rezul'tativno-mnogoaknyi SD (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: Collective-Multi-Act SD and Productive-Multi-Act SD (in comparison with the Russian language)]. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena*. No. 196, pp. 105–117. (In Russian)

Maslov, Iu. S. (1984). *Ocherki po aspektologii* [Essays on Aspectology]. 263 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

Maslov, Iu. S. (2004). *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshhee iazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics]. 840 p. Moscow, iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2001). *Ob universal'nom i idioetnicheskom komponentah iazykovogo sodержaniia* [On the Universal and Idio-Ethnic Components of the Linguistic Content]. *Issledovaniia po iazykoznaniiu*: Sb.

statei k 70-letiiu A. V. Bondarko. Pp. 56–66. St. Petersburg, izd-vo SPb. un-ta. (In Russian)

Rassudova, O. P. (1982). *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom iazyke* [The Use of Verb Aspects in Modern Russian]. 148 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Sheliakin, M. A. (1972). *Pristavochnye sposoby glagol'nogo deistviia i kategorii vida v sovremennom russkom iazyke (k teorii funktsional'no-semanticheskoi kategorii aspektual'nosti): dis. ... dokt. filol. nauk* [Prefix Methods of Verbal Action and the Category of Aspect in Modern Russian (to the theory of the functional-semantic category of aspectuality): Doctoral Thesis]. Leningrad. 660 p. (In Russian)

Sheliakin, M. A. (2017). *Sposoby deistviia v pole limitativnosti* [Ways of Action in the Field of Limitativity]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis*. Izd 7-e. Moscow, Lenand. Pp. 63–85. (In Russian)

Zalizniak, A. A., Shmelev, A. D. (2000). *Vvedenie v russkuiu aspektologiu* [Introduction to Russian Aspectology]. 226 p. Moscow, iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Zalizniak, A. A., Mikaelian, I. L., Shmelev, A. D. (2010). *Vidovaia korreliativnost' v russkom iazyke: v zashchitu vidovoi pary* [Species Correlation in the Russian Language: In Defense of a Species Pair]. *Voprosy iazykoznanii*. No 1, pp. 3–23. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2021

Поступила в редакцию 08.09.2021

Левитская Алина Афакоевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
руководитель отдела культурного наследия,
Институт истории и археологии Республики
Северная Осетия-Алания,
362025, РСО-Алания, Владикавказ,
Ватутина, 46.
54alina.levitskaya@gmail.com

Levitskaya Alina Afakoevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Head of the Cultural Heritage Department,
Institute of History and Archeology of the Re-
public of North Ossetia-Alania,
46 Vatutin Str.,
Vladikavkaz, 362025, North Ossetia-Alania.
54alina.levitskaya@gmail.com